

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 355.257.72(430+436)(470.56)«1914/1918»
ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени
DOI 10.35231/25422375_2022_2_54

Р.Р. Магомедов

Повседневность военного плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии на территории Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны

В статье на основе архивных материалов и опубликованной современной литературы рассматриваются многообразные реалии военного плена на территории Оренбургской губернии во время Первой мировой войны.

Автором показаны экстремальные условия плена: отсутствие специальных помещений, соответствующих международным требованиям содержания военнопленных, несоблюдение санитарно-гигиенических правил, значительное отклонение от рекомендуемых норм питания. Отмечается, что они были вызваны ограниченными возможностями государства, находившегося в состоянии затяжной войны, нацеленной на истощение материальных и людских ресурсов противоборствующих сторон.

Показано, что помещения, отведенные для повседневной жизни военнопленных, мало отвечали требованиям лагерей в современном понимании. Неподготовленность властей Оренбургской губернии к приему больших контингентов военнопленных явилась отражением общего состояния России в вопросе плена.

Реконструирована повседневная жизнь подданных Германии и Австро-Венгрии в оренбургском плену. Установлено, что в вопросе отношения военных и гражданских властей к военнопленным более благожелательный подход в организации повседневной жизни наблюдался к представителям славянского происхождения. Названы причины нежестких правил содержания пленных-славян. В то же время местные власти в своей работе учитывали также интересы других военнопленных: немцев, австрийцев, мадьяр.

Ключевые слова: военнопленные, повседневная жизнь, Оренбургская губерния, специальные лагеря, Меновой двор, Австро-Венгрия, Германия, экстремальные условия, власть, население.

Magomedov R. Ramazan

The daily routine of military captivity of soldiers and officers of Germany and Austria-Hungary on the territory of the Orenburg province during the First World War

Based on archival materials and published modern literature, the article examines the diverse realities of military captivity on the territory of the Orenburg province during the First World War.

The author shows the extreme conditions of captivity: the absence of special premises that meet international requirements for the detention of prisoners of war, non-compliance with sanitary and hygienic rules, significant deviation from the recommended nutrition standards. It is noted that they were caused by the limited capabilities of the state, which was in the condition of protracted war aimed at depleting the material and human resources of the warring parties.

It is shown that the premises allocated for the daily life of prisoners of war did not meet the requirements of the camps in the modern sense. The unpreparedness of the authorities of the Orenburg province to receive large contingents of prisoners of war was a reflection of the general state of Russia in the matter of captivity.

The daily life of the subjects of Germany and Austria-Hungary in Orenburg captivity is reconstructed. It is established that in the issue of the attitude of military and civilian authorities to prisoners of war, a more benevolent approach in the organization of daily life was observed to representatives of Slavic origin. The reasons for the non-rigid rules for the detention of Slavs prisoners are named. At the same time, the local authorities in their work also took into account the interests of prisoners of war – Germans, Austrians, Magyars.

Key words: prisoners of war, everyday life, Orenburg province, special camps, Exchange yard, Austria-Hungary, Germany, extreme conditions, government, population.

Введение

История повседневности, как самостоятельное направление в исторической науке, стало развиваться с середины прошлого столетия и активно разрабатывается сегодня современными отечественными исследователями. Достаточно отметить достижения в этой области исторических знаний, сделанные самарскими и оренбургскими историками. Для доказательства приведем лишь публикации, вышедшие в свет в последние годы [1; 2]. Особо подчеркнем вклад в изучении истории повседневности «тех, без кого не могло бы быть истории», доктора исторических наук, профессора А.И. Репинецкого [3–5]. Заслуживает внимания монография Е.В. Годовой, вышедшая в свет в 2020 г. [6]. В ней автор рассматривает повседневную жизнь казачества России в хронологических рамках, охватывающих вторую половину XIX – начало XX в. Приоритетным для себя Е.В. Годова в исследовании определила изучение «военной» и «гражданской» составляющих повседневности казачьего общества. Необходимо признать, что автору удалось изучить основные элементы структуры повседневности гражданской жизни уникального казачьего сословия в дореволюционной России. Подчеркивая несомненные достижения региональной историографии, необходимо указать на то, что вне сферы ее внимания оказалась повседневная жизнь различных социальных слоев Оренбургской губернии в период Первой мировой войны. Кроме того, вызывает исследовательский интерес изучение повседневности военного плена подданных государств, воюющих с Россией, находившихся на территории края.

Тема Первой мировой войны в советской историографии была объявлена «немодной», и по этой причине на многие сюжеты этой многоплановой исторической проблемы было объявлено табу. Такой подход к этой теме объяснялся, скорее всего, тем, что Россия ее проиграла, и мы не любим вспоминать свой стыд и позор. Было и еще одно обстоятельство. Известно, что вождь большевиков В.И. Ленин характер этой войны определил как захватнический и империалистический. Поэтому неудивительно, что в советском обществе она воспринималась в негативном ключе.

История войны освещалась лишь как событие, которое послужило катализатором октябрьских событий 1917 г. Она была лишена персоналий, не была отражена в исторических портретах и лицах, в ангажированной форме читателю преподносили отношения власти и общества и т. д. Проблема плена также оказалась не востребовавшей в советской исторической науке. Более того, в советском обществе плен всегда воспринимался на эмоционально-психологическом уровне крайне негативно, как нечто чуждое и отталкивающее сознанием советского человека. Преимущественно в советской исторической науке военнопленных Австро-Венгрии и Германии показывали как активных участников борьбы советской власти против белогвардейцев в составе интернациональных военных соединений Красной армии.

Трансформационные процессы в нашем обществе в начале 90-х гг. XX в. обусловили создание новой познавательной ситуации в отечественной исторической науке. Это обстоятельство стимулировало повышенный интерес историков к теме Первой мировой войны, в том числе и проблеме плена. Исследователями были выпущены десятки публикаций [7–10]. Отметим также успехи в изучении этой темы в региональной историографии [11–15].

Однако история повседневности плена подданных государств, воюющих с Россией в годы Первой мировой войны, не получила самостоятельного изучения, и это обстоятельство делает настоящую статью востребованной для специального исследования.

При написании статьи автор опирался как на опубликованные, так и неопубликованные источники. Для решения поставленных исследовательских задач использованы материалы, извлеченные из фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО): Оренбургское губернское правление (Ф. 11), Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие (Ф. 15), Оренбургское губернское жандармское управление (Ф. 21), жандармское полицейское управление Ташкентской железной дороги. Раскрытию содержания повседневности плена солдат и офицеров враждебных государств на территории Оренбургской губернии помогли публикации оренбургских журналистов, помещенные на страницах местных периодических изданий: «Оренбургская жизнь», «Оренбургский голос» и «Оренбургская газета».

Цель данной статьи заключается в рассмотрении повседневности военного плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии на территории Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны.

Эта цель реализуется посредством решения следующих исследовательских задач: показать экстремальные условия плена, рассмотреть отношение власти к военнопленным, их быт, взаимоотношения с местным населением.

Хронологические рамки исследования составил период с лета 1914 г. до наступления февральских событий 1917 г. Выбор нижней временной границы обусловлен началом Первой мировой войны и появлением на территории Оренбургской губернии первых партий военнопленных. В условиях вступления России в полосу социальных революций в феврале 1917 г. повседневная жизнь военнопленных на территории Оренбургской губернии приобретает новое качественное состояние, которая требует самостоятельного исследования.

Результаты исследования

Летом 1914 г. война между двумя военно-политическими системами в Европе стала реальностью. Никто не мог предполагать, что открытое вооруженное противостояние растянется на долгие четыре года и будет иметь катастрофические социально-экономические и военно-политические последствия для его основных игроков: России, Германии, Австро-Венгрии и Турции. Политики и военные всех воюющих государств, в том числе и России, рассчитывали, что война будет идти не больше 4–6 месяцев. Вопреки их расчетам война приобрела затяжной и долговременный характер. Противоборствующие стороны несли не только безвозвратные и санитарные потери, но также около 8 млн солдат и офицеров оказались во вражеском плену.

Первыми пленными в Оренбургской губернии стали подданные Германии и Австро-Венгрии. Они были помещены в приюте Святой Ольги и народном доме в Оренбурге и в здании тюрьмы г. Троицка. В региональной историографии отсутствуют точные данные о количестве военнопленных в крае в рассматриваемый период. Исследователи Д.А. Сафонов и В.Г. Семенов приводят разную статистику, ссылаясь на архивные источники. Нужно согласиться с мнением Э.С. Сагитовой, что трудности в установлении количества иностранцев, пребывающих в Оренбургской губернии в изучаемый период, объясняются разрозненной информацией о них. Но с уверенностью можно заключить, что на территории Оренбургской губернии, который в годы войны являлась глубоким тыловым районом России, пребывал значительный контингент военнопленных. По сведениям, приведенным В.Г. Семеновым, на разных этапах войны в крае находилось пленных: осенью 1914 г. – 8759 чел., осенью 1916 г. – 11 388 чел., осенью 1917 г. – 9307 чел. [11, с. 71].

Оренбургская губерния входила в Казанский военный округ. Порядок и условия жизни военнопленных на ее территории определялись приказами по этому округу, которые были разработаны на основе «Положения о военнопленных», принятом правительством Российской империи в октябре 1914 г. Этот документ был составлен в духе статей Гаагской конвенции 1907 г., закрепившей принципы гуманизма и уважительного отношения к пленным, бывшим военным служащим воюющих сторон. В соответствии с этими документами власти лагерей определяли правила и уклад их повседневной жизни.

Выше указывалось, что политики и военные стратеги исходили из того, что война будет скоротечной, и никто не предполагал возможные масштабные проблемы с военнопленными. Однако противоборствующие стороны в самом начале войны столкнулись с задачей перемещения огромных партий военнопленных и организацией их жизни в специальных местах содержания. В частности, Россия не оказалась готовой для решения таких задач. В ограниченном количестве оказались специальные лагеря для размещения контингентов военнопленных. Исключением не стала и Оренбургская губерния. В этих целях местные власти вынуждены были использовать различные помещения большой площади: Меновой двор в Оренбурге, частные дома в Челябинске и т. д. Однако они были плохо приспособлены для принятия большого количества людей. Об этом свидетельствуют архивные документы, отражающие мнение как официальных лиц, так и самих его обитателей о состоянии лагеря для пленных в Меновом дворе.

Осенью 1916 г. в штабе Казанского военного округа так комментировали содержание военнопленных: «В пунктах водворения царят полный беспорядок и ряд упущений, к устранению которых меры не принимаются» [16, с. 2399]. Представитель полицейского ведомства комментировал далеко не радужную картину, которая предстала перед ним в ходе знакомства с условиями содержания военнопленных в Меновом дворе в г. Оренбурге. Он указывал на то, что «двор завален разными отбросами, мусором» [17]. В эмоциональных тонах характеризовали условия своей жизни сами военнопленные. «Те каюты, в которых мы заперты, называются „Меновой двор“. Ничего кроме неба, земли и стены не видно. Видно только крыши города» [18, л. 110]. Другой военнопленный, рассказывая о своей жизни в Меновом дворе, подчеркивал: «Живу в Оренбурге, в лагере, окруженном стеной... Здесь человек живет, как невольник, в полном значении этого слова» [18, л. 880].

Однако это вовсе не значит, что военная и городская власти находились в стороне от решения проблем размещения военнопленных. Наоборот, даже на уровне губернской власти принимались меры для улучшения качества внутренней жизни лагерей. Ее представители, посещая места размещения военнопленных, интересовались их жизнью и приказывали принять необходимые меры для улучшения содержания

лагерей. По мере обострения вопроса с военнопленными по распоряжению губернатора была создана специальная комиссия для коренной реконструкции лагеря в расположении Менового двора. Однако благие намерения членов комиссии не были воплощены в жизнь из-за позиции, занятой управой г. Оренбурга: «... в условиях военного времени выделение средств больше установленного лимита для города не допустимо» [14, с. 17].

В годы войны проводились работы по улучшению содержания военнопленных: перестраивались и расширялись площади для проживания, осуществлялись санитарно-гигиенические мероприятия по профилактике инфекционных болезней, эпидемий. Однако суровая реальность оказалась сильнее желаний властей показать свое благодушие к военнопленным в целях формирования положительного имиджа России. По мере затягивания мирового военного конфликта ослабевали социально-экономические и политические основы Российской империи, что не могло не сказаться отрицательно на совокупности экстремальных условий, в которых проходила повседневная жизнь военнопленных.

Ситуация усугублялась тем, что прибытие новых партий военнопленных не прекращалось, несмотря на то что местные власти в категоричной форме заявляли об отсутствии условий для их принятия. Это обстоятельство спровоцировало возникновение очагов и распространение различных инфекционных болезней: холеры, тифа, чесотки и др.

Говоря об условиях, в которых проходила повседневная жизнь военнопленных, важно обратить внимание и на проблему обеспечения их питанием. Архивные материалы показывают, что рацион питания в годы войны неоднократно сокращался, ухудшилось его качество. Под влиянием негативных процессов, взявших верх в государстве, естественно, сокращается продовольственное обеспечение воюющей армии и населения страны. Эта проблема коснулась и военнопленных. Однако до начала Гражданской войны в крае в среде военнопленных случаев голодных смертей в архивных документах не зафиксировано. Наоборот, власть на местах принимала немало усилий в продовольственном обеспечении обитателей оренбургских лагерей. Правда, сами военнопленные в письмах родным и близким на родину часто выражали недовольство той пищей, которой их кормили. При этом они ссылались на то, что эта еда является для них непривычной. В частности, ржаной хлеб считали причиной желудочно-кишечных заболеваний. В одном из таких писем сообщалось: «Живу в России, меня страшно обижают: дают есть хлеб, воду и рыбу, которую я не могу есть» [18, л. 648 об.].

Материалы, извлеченные из архивов, позволяют реконструировать повседневную жизнь иностранных подданных, оказавшихся в плену в Оренбургской области. Для того чтобы показать, как они обычно действовали, думали и чувствовали ежедневно, необходимо определить их

этноконфессиональную принадлежность. Она являлась одним из основополагающих факторов, способствующих выявлению поведенческих установок, направленных на конкретный объект, к которому человек может испытывать некоторые чувства, эмоции или иметь определенные убеждения, определяющие склонность к тем или иным действиям (например, к стране своего пребывания, ее культуре, населению и т. д.).

В подавляющем большинстве иностранные военнослужащие, оказавшиеся в плену в Оренбургской губернии, являлись подданными Германии и Австро-Венгрии. С учетом того, что последняя отличалась искусственным объединением моноэтнических территорий, ее армия была многонациональной. Поэтому контингент военнопленных состоял из немцев, австрийцев, мадьяр (венгров), поляков, сербов, хорватов и т. д. На территории края в плену оказались также подданные Османской империи. Правда, их было немного. Военнопленные представляли разные религиозные конфессии: католичество, лютеранство, православие, баптизм, ислам и т. д.

Известно, что в годы Первой мировой войны идея славянского единства и России, как ее защитницы, явилась одной из составляющей государственной идеологии воюющей страны против своих внешних врагов. В контексте этого воззрения на территории Оренбургской губернии строились взаимоотношения власти и военнопленных славянского происхождения. В отношении последних администрации лагерей делали значительные послабления в соблюдении внутреннего режима содержания военнопленных. И не только. Различные благотворительные организации вместе с местной властью, администрацией лагерей, православной церковью проводили активную работу в организации быта военнопленных славян, их повседневной жизни. Они, в отличие от других, могли разнообразить свой досуг посещением концертов и спектаклей, организуемых специально для них, общественных столовых, чайных и ночлежных домов. Обитатели Менового двора регулярно ходили на религиозные службы, проводимые священнослужителями Оренбургской епархии. С разрешения властей военнопленные славяне могли совершать воскресные прогулки.

Однако особое отношение власти к славянам не исключало ее усилия по организации жизни иностранных подданных, принадлежащих к другим этносам и религиям в соответствии с международно-правовыми документами о статусе военнопленных. Отношение к этой категории иностранцев со стороны местных властей укладывалось в те требования, которые были закреплены в «Положении о военнопленных». Правда, по мере усиления центробежных тенденций в управлении государством вкупе с одновременным процессом разрушения хозяйственно-экономической и транспортной системы страны правила содержания военнопленных менялись, что отрицательно отразилось на повседневной жизни обитателей лагерей.

Политика местных властей способствовала разрушению русофобских настроений военнопленных, которые сами признавали, что «сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась» [19, с. 525]. В январе 1916 г., когда вспышка тифа в Меновом дворе достигла пика, ежедневно от 25 до 30 больных лагерная власть переводила в военный госпиталь. В марте 1916 г. число больных, переправленных в это медицинское учреждение, составило около 500 чел. [20, л. 1]. Власть рассчитывала на то, чтобы ее благодушные поступки в отношении военнопленных запомнились ими «на вечную добрую славу и память о России в сердцах» [21, л. 21 об.]. Руководство региона, в том числе и губернатор края, на встречах с представителями общественности озвучивало мысль о необходимости проявить гуманное отношение к военнопленным. Свидетельством человечности власти являлись похороны усопших подданных враждебных государств на территории военного кладбища. В лагерях представители всех религий имели возможность для исповеди и причащения. В дни религиозных праздников их жильцы не работали. Эти дни объявлялись нерабочими.

Хотя центральная власть предусматривала возможности отдельного размещения славян и неславян, на территории Оренбургской области их намерения не были воплощены в жизнь в полном объеме. Правда, этот принцип применялся в практике использования военнопленных как трудового ресурса на объектах сельскохозяйственного и промышленного назначения. На такие шаги на местах вынуждены были пойти из-за возникавших частых конфликтов между представителями славянских народов, с одной стороны, и немцами, австрийцами, мадьярами – с другой. Архивные материалы зафиксировали и случаи конфликтов в отношениях между немецкими и австрийскими военнослужащими. Дело в том, что в частных беседах они часто поднимали вопросы, связанные с поиском виновников начала войны. В этом вопросе они не могли найти ответа, удовлетворяющего каждую из сторон спора [22].

Необходимо отметить, что помещения, в которых содержали военнопленных, очень мало походило на военные лагеря в восприятии современного человека. Тот же Меновой двор можно лишь условно назвать специальным лагерем, функционирующим по правилам внутреннего распорядка, изолированным от внешнего мира. Дело в том, что Меновой двор, как и до войны, так и после размещения военнопленных, оставался территорией местного рынка, куда был обеспечен доступ всем желающим. Служащие рынка (сторожа, фельдшер, ветеринарный врач, сборщики налогов – всего 31 чел.) по-прежнему исправно выполняли свои служебные обязанности. Соседство с военнопленными никак не повлияло на их рабочую повседневную жизнь в пределах Менового

двора. Более того, нельзя этот лагерь назвать и закрытым учреждением, потому что нередко военнопленные свободно могли покинуть его территорию и оказаться на улицах города [23, л. 250].

Строгостью не отличалась и внутренняя жизнь лагеря. Не обремененные суровыми внутренними порядками военнопленные были достаточно свободны в организации своей повседневной жизни. Многие пользовались этим, внося разнообразие в свою лагерную жизнь самостоятельными прогулками по городу, посещением кино и местного театра.

Тяготы плена жильцы лагерей пытались сгладить своими собственными стараниями, не уповая на власть. С разрешения администраций лагерей им дозволялось вести подсобные хозяйства. В складских помещениях Менового двора содержали свиней и птиц. Там же можно было увидеть кузницу и слесарную мастерскую, где изготавливались новые и ремонтировались старые изделия, необходимые для повседневной жизни [24].

В структуре повседневности плена солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии важное место занимала переписка с родными и близкими. Написание писем и отправка родным и близким на родину и получение весточки, особенно посылки, было значительным и положительно эмоциональным событием для каждого из них. Отправка и получение писем являлись одним из коммуникационных каналов с внешним миром для военнопленных. Причем, судя по приказам по Казанскому военному округу, такая возможность была доступна как офицерам, так и рядовому составу враждебных государств. Военнопленный мог отправить каждый месяц до двух писем в объеме не более шести страниц и еженедельно – одну открытку [16, с. 1153].

В корреспонденции для родных, как правило, они отражали свою жизнь в неволе. В негативных тонах описывали свою повседневность, показывая себя мучениками русского плена. Эти письма отличались наличием фейков – ложных, недостоверных сведений о жизни в лагерях. Военное ведомство, отвечающее за содержание военнопленных, было вынуждено реагировать на данные поступки со стороны военнопленных, направленные на дискредитацию России [25].

Достаточно «мягкие» правила для военнопленных поощряли их к вступлению в непосредственный контакт с местным населением. Более того, возникновению между ними отношений способствовал труд военнопленных в аграрном и промышленном секторах экономики Оренбургской области. Пленные были задействованы не только на крупных предприятиях. В условиях дефицита рабочей силы к их услугам часто прибегали крестьянские хозяйства. Эта сторона повседневной жизни позволяет дать более точную оценку взаимоотношений местного населения и военнопленных.

С началом поступления первых партий военнопленных в губернию местное население проявляло повышенный интерес к ним, им было любопытно видеть чужаков, удивление вызывал их внешний вид, манеры поведения и общения. Обыватели Оренбурга из-за праздного любопытства встречали поезда, прибывавшие на станцию Оренбург или проходящие через него в сторону Туркестана [26].

Местные власти не препятствовали установлению контактов населения с подданными других государств. Хотя в целях недопущения эксцессов с нежелательными последствиями предпринимались меры по их ограничению, особенно в отношениях местных и немцев. С учетом того, что в начале войны наметился подъем ура-патриотических настроений в российском обществе, в том числе и у всех слоев населения Оренбурга и губернии, местные власти предпринимали меры превентивного характера в целях предотвращения массовых посягательств насильственного характера на жизнь военнопленных. В частности, в первое время специальным распоряжением была определена совокупность условий, в которых должна была проходить повседневная жизнь прибывших иностранных подданных в г. Оренбурге. На военнопленных распространялся запрет собираться в публичных местах города более 3 чел. и разговаривать на немецком языке. Им запрещалась посещать увеселительные заведения, а также кино- и местные театры. Тем военнопленным, кого поселили на дому или на квартирах, было запрещено покидать свое местожительство после 6 ч вечера [11, с. 26].

Местное население охотно вступало в контакты с военнопленными славянского происхождения. Они признавали преимущества, которые получали от приема военнопленных-славян на работу. Общая вера, исторические и ментальные особенности, взаимные симпатии поощряли расположение друг к другу. Оно проявлялось в организации хозяевами хорошего питания для военнопленных, достойного вознаграждения их труда. В свою очередь иностранные подданные отличались рвением в работе.

Однако в отношениях с другими военнопленными – мадьярами, австрийцами и особенно немцами – местное население проявляло осторожность, подозрительность и недоверие [27, л. 244].

Заключение

Таким образом, власти Оренбургской губернии, как и центральные органы Российской империи, оказались не готовы к размещению военнопленных. В предвоенные годы в России не велись работы по строительству специальных лагерей. Масштабы и жесточенность военного конфликта породили проблему плена, которая обострялась по мере затягивания войны и увеличения количества военнопленных.

В Оренбургской губернии большие площади были отведены под организацию лагерей, которые мало отвечали предъявляемым к ним требованиям.

Экстремальными условиями плена в Оренбургской губернии также являлись отсутствие возможностей для соблюдения санитарно-гигиенических правил, плохое состояние продовольственного снабжения лагерей. Совокупность условий, в которых проходила повседневная жизнь солдат и офицеров, была результатом крайне ограниченных ресурсов государства, находившегося в масштабном конфликте с Четверным союзом.

Материалы, содержащиеся в местном архиве, позволили реконструировать быт военнопленных в Оренбургской губернии, преимущественно в лагере, находящимся в Оренбурге в расположении местного рынка (Меновой двор). К многообразным реалиям плена также относится организация быта, содержание досуга, специфика контактов с местным населением. Важное место в структуре повседневной жизни военнопленных занимали написание и отправка писем на родину. Это занятие служило одним из коммуникационных каналов их связи с внешним миром.

Список литературы

1. Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2020. – Т. 19. – № 3. С. 544–562. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562>.
2. Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.Ю., Куренкова Ю.О., Фот А.Г., Клементьева Н.В. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). – Оренбург: Оренб. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. – 472 с.
3. Репинецкий А.И., Румянцева М.А. Городское население среднего Поволжья в послевоенное двадцатилетие, 1945–1965 гг.: очерки демограф. истории. – Самара: Научно-технический центр, 2005. – 261 с.
4. Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 154–161.
5. Репинецкий А.И. Повседневность "запасной столицы" (октябрь 1941 г. – август 1943 г.) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабирова. – Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. – С. 323–331.
6. Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАВИН, 2020. – 464 с.
7. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 65–78.
8. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу / С.Н. Васильева; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. – 133 с.
9. Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Серия История России. – 2013. – № 1. – С. 64–83.
10. Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. – 2014. – № 4/2 (84). – С. 232–236.

11. Сафонов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край: материалы обл. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренбург. губ. и 60-летию Оренбург. обл. – Оренбург, 1994. – С. 25–26.
12. Семенов В.Г. Военнопленные в Оренбургской губернии // Этнопанорама. – 2001. – № 2. – С. 70–71.
13. Машкова Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914–1917 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук, 2004.
14. Идрисова Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, 2008.
15. Магомедов Р.Р., Гришаков Л.В. Идея славянского единства и ее отражение в политике в отношении военнопленных славян в Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. Электронный научный журнал. – 2017. – № 4 (24). – С. 109–118 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32239547_13420541.pdf.
16. Приказы по Казанскому военному округу. – Казань, 1916.
17. Оренбургская жизнь. – 1914. – 15 авг.
18. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 569.
19. Сенявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк. – М.: Наука, 2002. – С. 519–537.
20. ОГАОО. Ф. 22. Оп. 5. Д. 90.
21. ОГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1281.
22. Оренбургское слово. – 1916. – 16 июня.
23. ОГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 421.
24. Оренбургское слово. – 1916. – 4 окт.
25. Оренбургское слово. – 1916. – 10 авг.
26. Оренбургская газета. – 1914. – 21 сент.
27. ОГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289.

References

1. Burluckaya E.V., Abdrahmanov K.A. *Specifika trudovoj povsednevnosti orenburgskih kupcov, vedushchih trgovlyu s Aziej v XIX v.* [Specifics of the everyday work of Orenburg merchants trading with Asia in the XIX century] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. The history of Russia]. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 544–562. (In Russ.).
2. Burluckaya E.V., Abdrahmanov K.YU., Kurenkova YU. O., Fot A.G., Klement'eva N.V. *Povsednevnyaya zhizn' provincial'noj gorozhanki v poreformennoj Rossii (na materialah Orenburgskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka)* [Everyday life of a provincial townswoman in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg province of the second half of the XIX – early XX century)]. – Orenburg: Orenb. kn. izd-vo im. G. P. Donkovceva, 2020. – 472 s. (In Russ.).
3. Repineckij A.I., Romyanceva M.A. *Gorodskoe naselenie srednego Povolzh'ya v poslevoennoe dvadcatiletie, 1945–1965 gg.: ocherki demograf. Istarii.* [Urban population of the Middle Volga region in the post-war twentieth anniversary, 1945–1965: essays demograph. Stories]. – Samara: Nauchno-Tekhnicheskij Centr, 2005. – 261 s. (In Russ.).
4. Ippolitov G.M., Repineckij A.I. *Istoriya povsednevnosti: nekotorye aspekty genezisa i evolucii otrasli istoricheskoi nauki* [The history of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 154–161. (In Russ.).

5. *Repineckij A.I. Povsednevnost' "zapasnoj stolicy" (oktyabr' 1941 g. – avgust 1943 g.)* [Everyday life of the "reserve capital" (October 1941 – August 1943)] // *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov: sb. st. / otv. red. A.SH. Kabirova* [The Great Patriotic War of 1941–1945 in the destinies of peoples and regions: collection of articles / ed. by A.Sh. Kabirov]. – Kazan: Institut istorii imeni SHigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2015. – S. 323–331. (In Russ.).

6. *Godovova E.V. Povsednevnyaya zhizn' rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX century]. – Saint Petersburg: DMITRIJ BULAVIN, 2020. – 464 s. (In Russ.).

7. *Sergeev E.YU. Russkie voennoplennye v Germanii i Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian prisoners of war in Germany and Austria-Hungary during the First World War] // *Novaya i novejschaya istoriya* [New and modern history]. – 1996. – № 4. – S. 65–78. (In Russ.).

8. *Vasil'eva S.N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody pervoj mirovoj vojny: Ucheb. posobie k speckursu / S. N. Vasil'eva; M-vo obshch. i prof. obrazovaniya Ros. Federacii. Mosk. gos. otkrytyj ped. un-t.* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War: Textbook for a special course / S.N. Vasilyeva; M-in total. and Prof. education grew. Federation. Moscow State University. open ped. un-t.]. – Moscow: Red.-izd. centr MGOPU, 1999. – 133 s. (In Russ.).

9. *Senyavskaya E.S. Polozhenie russkih voennoplennykh v gody Pervoj mirovoj vojny: ocherk povsednevnoj real'nosti* [The situation of Russian prisoners of war during the First World War: an outline of everyday reality] // *Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii* [Bulletin of the RUDN, The History of Russia series]. – 2013. – № 1. – S. 64–83. (In Russ.).

10. *Fedorova T.V. Problema social'no-bytovyh uslovij sodержaniya avstro-vengerskih voennoplennykh na territorii Vostochnoj Sibiri vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [The problem of social and living conditions of Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of Eastern Siberia during the First World War] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya* [News of the Altai State University. Series: History, Political Science]. – 2014. – № 4/2 (84). – S. 232–236 i dr. (In Russ.).

11. *Safonov D.A. Nemeckie voennoplennye v Orenburgskom krae v gody Pervoj mirovoj vojny* [German prisoners of war in the Orenburg Region during the First World War] // *Nemcy i Orenburgskij kraj: materialy obl. nauch. konf., posvyashch. 250-letiyu Orenburg. Gub. i 60-letiyu Orenburg. Obl.* [The Germans and the Orenburg Region: materials of the regional scientific conference, dedicated. to the 250th anniversary of Orenburg. Gubernia and the 60th anniversary of Orenburg. Obl.]. – Orenburg, 1994. – S. 25–26. (In Russ.).

12. *Semenov V.G. Voennoplennye v Orenburgskoj gubernii* [Prisoners of war in the Orenburg province] // *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. – 2001. – № 2. – S. 70–71. (In Russ.).

13. *Mashkova N.N. Mobilizaciya lyudskih i material'nyh resursov na YUzhnom Urale v usloviyah vojny (1914–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk* [Mobilization of human and material resources in the Southern Urals during the war (1914–1917): abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences], 2004. (In Russ.).

14. *Idrisova E.S. Inostrannye voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na YUzhnom Urale v 1914–1921 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign prisoners of war of the First World War in the Southern Urals in 1914–1921: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences], 2008. (In Russ.).

15. *Magomedov R.R., Grishakov L.V. Ideya slavyanskogo edinstva i ee otrazhenie v politike v otnoshenii voennoplennykh slavyan v Orenburgskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny* [The idea of Slavic unity and its reflection in the policy towards Slavs prisoners

of war in the Orenburg province during the First World War] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of Orenburg State University. Electronic scientific journal]. – 2017. – № 4 (24). – S. 109–118. (In Russ.).

16. *Priказы по Kazanskomu voennomu okrugу* [Orders for the Kazan Military District]. – Kazan, 1916.

17. *Orenburgskaya zhizn* [Orenburg life]. – 1914. – 15 avgusta [august].

18. *Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGA00)* [The United State Archive of the Orenburg region (OGA00)]. F. 21. Op. 2. D. 569.

19. Senyavskaya E.S., Mironov V.V. *Chelovek na vojne: «svoi» i «chuzhie»* [A man at war: "his own" and "strangers"] // *Mirovye vojny XX veka. Kn. 1. Pervaya mirovaya vojna: istoricheskij ocherk* [World wars of the XX century. Book 1. The First World War: a historical essay]. – Moscow: Nauka, 2002. – S. 519–537. (In Russ.).

20. OGA00 [OGA00]. F. 22. Op. 5. D. 90.

21. OGA00 [OGA00]. F. 11. Op. 1. D. 1281.

22. *Orenburgskoe slovo* [Orenburg word]. – 1916. – 16 iyunya [june's].

23. OGA00 [OGA00]. F. 41. Op. 1. D. 421.

24. *Orenburgskoe slovo* [Orenburg word]. – 1916. – 4 oktyabrya [october's].

25. *Orenburgskoe slovo* [Orenburg word]. – 1916. – 10 avgusta [august].

26. *Orenburgskaya gazeta* [Orenburg newspaper]. – 1914. – 21 sentyabrya [september].

27. OGA00 [OGA00]. F. 15. Op. 1. D. 289.